

1870. 16 Апр.

Благодарю Васъ покорно, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, за Ваши письма, такія длинныя и такія интересныя. Я чувствую себя каждый разъ, какъ получаю Ваше письмо, виноватымъ, что не умѣю самъ отвѣчать Вамъ тѣмъ же: я не аккуратень и письма мои коротки. Простите великодушно! Я не умѣю писать письма, оттого и запаздываю.

25 Апр.

Сегодня Кашпиревъ показывалъ мнѣ Ваше послѣднее письмо. Спасибо Вамъ за похвалы мнѣ. Я самъ — сказать откровенно — доволенъ своими четырьмя статьями нынѣшняго года. Но мнѣ показалось, что Вы придаете дѣлу больше важности, чѣмъ оно имѣетъ. Увы! Ѳедоръ Михайловичъ — я чувствую, что ничего я не сдѣлаю, что какъ ни бейся, а вліянія сколько-нибудь похожего на вліяніе у меня никогда не будетъ. *Общей* публики нынче какъ будто вовсе нѣтъ — разбились на кружки, на партіи, которыя другъ друга не читаютъ и знать не хотятъ. И выходитъ, что какъ ни старайся, угодишь только тому, *кто и безъ тебя также думалъ*.

Я впрочемъ не унываю. Увѣренъ, что если до конца года такія¹ будемъ выпускать книжки, то соберемъ подписку отъ 3 до 4 тысячъ, и тогда можно будетъ пописывать, предоставляя безпутнымъ читателямъ думать и любить чтó имъ угодно....

Вы не думайте, что я считаю себя достойнымъ *лучшей участи*; у меня есть причины воздерживаться отъ подобныхъ мыслей.

6 Мая. Дѣла идутъ очень хорошо. Сотрудники прибываютъ съ каждымъ мѣсяцемъ и нѣтъ сомнѣнія, что «Заря» будетъ постоянно завалена статьями<.>

// л. 26

Стоить исправно издавать и журналъ пойдетъ отлично. Самое большое затрудненіе въ беллетристикѣ. Если бы Вы знали, какія глупости² пишутъ наши старые, опытные литераторы, напр. Григоровичъ или Афанасьевъ-Нужбинскій! Просто не знаешь, что дѣлать; выпросишь рукопись, а потомъ и каешься.

Вашъ *Вѣчный Мужъ* конечно лучше всего явившагося въ нынѣшнемъ году; мы продолжаемъ слышать со всѣхъ сторонъ похвалы. Вамъ еще рано и³ думать объ забастовкѣ. Вспомните Сервантеса, Вольтера — отчего же не писать до глубокой старости? Не вѣрьте пожалуста теоріи прогресса. Дѣйствительный прогрессъ совершается *очень медленно*, что напимѣръ ясно на наукахъ. А если взять еще поглубже, то можно вовсе усумниться въ прогрессѣ. Спустя 45 лѣтъ послѣ *Бориса Годунова* Пушкина, А. Толстой написалъ *Царя Бориса* — но вышелъ не прогрессъ, а глубочайшее паденіе. Такъ точно и Вашъ *Мертвый Домъ* и *Преступленіе и*

¹ *Вместо:* такія — *было:* такіе

² *Вместо:* какія глупости — *было начато:* какіе гру

³ *и вписано.*

Наказаніе переживутъ какъ *образецъ*!⁴ легко какіе-нибудь полстолѣтія, хотя надъ этими произведеніями и подсмѣиваются (именно надъ Пр. и Нак.) *Отеч. Записки* (я недавно прочелъ во 2^й книжкѣ); прогрессивнаго же Щедрина скоро перестанутъ читать, да и теперь напр. я (каковъ авторитетъ!) уже не могу никакъ себя принудить его читать. Некрасова я однако внимательно и усердно читаю.

Въ Майскую книжку я изготовилъ статью *о существованіи души*; статьи о Герценѣ, которыхъ будетъ еще minimum

// л. 26 об.

двѣ — отлагаю до осени; нужно почитать и подумать.

Пока — простите Федоръ Михайловичъ. Аннѣ Григорьевнѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ преданный

Н. Страховъ

1870 г.

6 Мая.

// л. 27

⁴ какъ образецъ! вписано.